

Анищенко Кирилл Федорович

аспирант Краснодарского университета
МВД России
dom-hors@mail.ru

**ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ
XIX – НАЧАЛА XX В.**

Аннотация:

В статье анализируется политический терроризм времен первой русской революции и последующих лет, а также терроризма второй половины XIX века в России и, в частности, в Кубанской области. Выявляются их отличительные особенности.

Ключевые слова:

терроризм, революционное движение, насилие, Кубанская область.

Anischenko Kirill Fedorovich

graduate of the University of
Krasnodar Russian Interior Ministry
dom-hors@mail.ru

**TERRORISM IN RUSSIA
XIX - EARLY XX V.**

Summary:

This article analyzes the political terrorism since the first Russian revolution and subsequent years, and terrorism of the second half of the XIX century in Russia and, in particular, in the Kuban region. Identifies their distinctive features.

Keywords:

terrorism, the revolutionary movement, the violence, the Kuban region.

Анализ исторической литературы показывает, что на протяжении нескольких тысячелетий террористические методы использовались различными государствами, религиозными группами, политическими организациями и преступными сообществами.

Появление терроризма в России как массового явления следует связывать с активизацией революционного движения во второй половине XIX в. Известный исследователь терроризма А. Гейфман отмечает, что «с апреля 1866 года, памятного внезапно прогремевшим выстрелом Дмитрия Каракозова, неудачно покушавшегося на жизнь Александра II, и до июля 1918-го, когда Ленин и Свердлов санкционировали расстрел семьи Николая II, а затем провозгласили общую политику классового “красного террора”, – полвека российской истории было окрашено в кровавый цвет революционного терроризма» [1, с. 5].

Насилие, по мнению С.У. Дикаева, становится аксиомой политической борьбы тогда, когда оно не имеет альтернатив. Выбор террористических методов для осуществления политической борьбы стал результатом преследований правительства, сделавшего пропаганду в народе идеей социализма чрезвычайно затруднительной и даже невозможной [2, с. 125].

В своем варианте программы «Народной воли» под наименованием «Террористическая борьба» (1880 г.) Н.А. Морозов писал: «Террористическая борьба немедленно прекратится, как только социалисты завоюют себе фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия, – эти необходимые условия для широкой проповеди социалистических идей» [Цит. по: 3, с. 105].

В XIX в. террористические акты в России (если сравнивать с современностью) были, по оценке А. Гейфман, не очень часты: с 1860-х до начала 1900-х г. жертвами террористов стало не более 100 человек [1, с. 13].

Иная ситуация была в начале XX в., когда политические убийства и революционные грабежи стали массовыми явлениями. Начиная с октября 1905 г. за один год в стране было убито и ранено 3611 государственных чиновников. К концу 1907 г. число государственных чиновников, убитых или покалеченных террористами, достигло почти 4500 человек. Если учесть также 2180 убитых и 2530 раненых частных лиц, то общее число жертв в период первой русской революции составило 9000 человек [1, с. 31].

В Российской Империи террор был присущ долее для эсеров. Как подчеркивают исследователи, на годы революции 1905–1907 гг. приходится пик эсеровского террора. По некоторым подсчетам, с января 1905 г. по конец 1907 г. эсерами было осуществлено 233 теракта [4, с. 177]. С февраля 1905 г. по май 1906 г. в стране было убито 1273 лица, среди которых: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников – 8 человек, полицмейстеров, уездных начальников и исправников – 21, жандармских офицеров – 8, приставов и их помощников – 79, околоточных надзирателей – 125, городских – 346, урядников – 57, стражников – 257 и т.п. [5, с. 249, 250].

Е.П. Медников, возглавлявший в 1905–1907 гг. наблюдательное отделение особого отдела Департамента полиции, в письме начальнику особого отдела С.В. Зубатову, написанному в

начале революционных событий 1905 г., описал их следующим образом: «...Каждый божий день по несколько убийств, то бомбой, то из револьверов, а потом и всякими орудиями; бьют и бьют чем попало и кого попало... С февраля заарестованы динамитные для бомб мастерские... Какая пропасть взята револьверов всяких систем в тысячах штук. Этим перешло всякие границы. Надо удивляться, как еще не всех перестреляли...» [Цит. по: 6, с. 192].

Сын убитого члена Государственного Совета графа А. Игнатьева так описывал настроение правящих кругов Российской Империи в период революционного террора: «Что ни день, надевай мундир с траурной повязкой и поезжай на панихиду, то по одному, то по другому генералу или сановнику... Теперь же грустные православные песнопения только усиливали мрачное настроение правящих кругов, еще не оправившихся от страха, вызванного революцией» [Цит. по: 7, с. 235].

В своей книге А. Гейфман совершенно обоснованно утверждает, что «эпидемией боевизма», т.е. терроризмом, были охвачены и окраины России, «может быть, даже больше, чем центральные области» [1, с. 34]. Наиболее заметно это было на Кавказе. Даже неполные статистические данные, искаженные в угоду властям, позволили ей сделать этот вывод. Анализируя статистические данные, А. Гейфман, отмечает, что власти в Санкт-Петербурге часто заносили случаи революционного насилия в общие списки уголовных преступлений. Наместник императора на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков, стремясь оправдать свою политику и смягчить впечатление центральной власти, приводил заниженную статистику: 689 терактов в 1907 г., в результате которых погибло 183 официальных и 212 частных лиц, 90 официальных и 213 частных лиц – ранено. Уверяя, что в создавшейся ситуации невозможно было отличить политические грабежи от обычных, И.И. Воронцов-Дашков приводил общие данные о бандитизме на Кавказе: 3219 преступлений в 1905 г., 4138 – в 1906 г., 3305 – в 1907 г. О размахе насилия говорит и тот факт, что в г. Армавире террористы, заявлявшие о своей принадлежности к различным революционным партиям, убили среди белого дня 50 местных коммерсантов за один апрель 1907 г. К этому времени доход экстремистов от экспроприаций только в этом городе достиг почти 500 тыс. рублей [1, с. 34–35].

В Кубанской области также имели место убийства представителей власти. Только в 1907 г. анархисты и эсеры-максималисты совершили в Кубанской области и Черноморской губернии не менее десяти представителей власти [8, с. 124]. В частности, 21 июля 1907 г. вечером при посадке в трамвай на углу улиц Красной и Дмитриевской г. Екатеринодара был застрелен помощник полицмейстера г. Екатеринодара Г.С. Журавель, при этом террористам удалось скрыться [9]. Вечером 29 августа 1907 г. около трамвайного павильона в конце улицы Ростовской выстрелом из револьвера неизвестным был смертельно ранен помощник пристава городской полиции И.Г. Боняк [10].

21 сентября 1907 г. на углу улиц Красной и Графской г. Екатеринодара в упор был убит правитель канцелярии начальника Кубанской области С.В. Руденко. Во время отпевания покойного 23 сентября в Александро-Невском соборе на площади в собравшихся людей была брошена пачка печатных листовок. В них от имени Северо-Кавказского комитета партии социалистов-революционеров говорилось, что С.В. Руденко убит по приговору комитета членом боевого летучего отряда [11, с. 297].

Екатеринодарская газета «Речь» в номере от 25 января 1908 г., говоря о терроризме, отмечала, что все «началось с убийства помощника полицмейстера Журавля. Затем среди белого дня и безнаказанно было совершено убийство правителя канцелярии Руденко. Потом пошли убийства и покушения на жандармов и городских, а недавно убит пристав Величко. Террор усилился ужасно, и никакие казни не уменьшают его» [Цит. по: 8, с. 127–128].

В Кубанской области принимались достаточно активные меры по борьбе с терроризмом и экспроприациями.

6 сентября 1907 г. у начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска Н.И. Михайлова состоялось совещание «по выработке мер борьбы с террористическими актами и увеличившейся преступностью вообще», в котором приняли участие должностные лица, представители купеческого и мещанского сословий. На совещании было принято решение учредить в г. Екатеринодаре сыскную часть, увеличить количество городских, а также снабдить чинов полиции хорошим оружием [12, с. 67].

Атаман Ейского отдела предписал станичным, хуторским атаманам и сельским старшинам «иметь самое тщательное наблюдение за всеми лицами, которые навлекают на себя подозрение в принадлежности к партии террористов», принять меры к своевременному обнаружению преступных замыслов; усилить охрану денежных сумм при станичных, хуторских и сельских правлениях; «иметь неослабное наблюдение за всеми прибывающими хотя на временное жительство», при этом «о всех прибывающих лицах, полиция должна иметь сведения в тот же

день неукоснительно, и сейчас же секретно установить за прибывшим наблюдение, пока не будет с точностью выяснено, что прибывшее лицо благонадежно и ничего общего с преступной шайкой террористов не имеет» [13].

Назначенный 3 февраля 1908 г. наказным атаманом Кубанского казачьего войска и начальником Кубанской области генерал-лейтенант М.П. Бабыч 10 марта 1908 г. издал «Обязательное постановление для города Екатеринодара и его окрестностей», в котором «в виду непрекращающихся террористических действий злонамеренных лиц» устанавливалось: «1. Безусловно воспрещается выход на улицы от восьми вечера до четырех утра...2. Воспрещается хождение по улицам группами; ходить вместе разрешается не более как двум взрослым...3. Так как на улицах будут производиться обыски подозрительных лиц – беспрекословно исполнять распоряжения полиции и войск. 4. Ворота, калитки, проезды в запрещенное время должны быть заперты и открываться лишь по требованию полиции и жандармской власти. 5. Немедленно сообщать полиции о всех подозрительных лицах... 7. Виновные в нарушении ... будут без снисхождения наказываться штрафом до 3 000 рублей или арестом до трех месяцев...» [8, с. 129–130].

Большое значение для борьбы с политическим терроризмом имела деятельность Екатеринодарского охранного пункта, который начал функционировать 3 ноября 1907 г. и ликвидировал практически все группы террористической направленности. Как самостоятельный орган политического сыска, Екатеринодарский охранный пункт просуществовал до ноября 1908 г., когда вошел в состав Кубанского областного жандармского управления. К концу 1907 г. было арестовано 74 члена Северо-Кавказского Союза анархистов-коммунистов, 43 члена организации эсеров-максималистов, 5 социал-демократов. К середине 1908 г. с терроризмом в Кубанской области фактически было покончено [14, с. 12].

Помимо Северного Кавказа терроризм был распространен и в иных местностях Кавказского наместничества.

На Кавказе, по мнению исследователей, ответственность за большую часть терактов Армянская революционная партия Дашнакцутюн (Единство), основанная в 1890 г. и действовавшая под лозунгом «Свобода или смерть». Партия набрала силу и приобрела поддержку населения благодаря своей националистической направленности. Учитывая, что ее усилия также были направлены на освобождение армян, находившихся под турецким владычеством, она поначалу пользовалась поддержкой российского правительства. Однако после передачи в 1903 г. имущества Армянской Церкви под контроль имперской власти, Дашнакцутюн открыто заняла антирусскую позицию. Революционные события 1905 г. обусловили раскол движения. Правые стремились по-прежнему к борьбе с турками и объединению армян под защитой российского правительства, левые же присоединились к другим радикальным силам в борьбе с самодержавием, при этом они добились верховенства в партии. Дашнаки физически уничтожали своих политических противников, принуждали богатых людей платить определенный налог в пользу партии, таким образом, путем жесткого насилия они подчинили себе целые местности на Кавказе.

Революционная ситуация 1905 г. на Кавказе породила различные более мелкие и менее организованные экстремистские группы и отдельные боевые отряды, некоторые из которых открыто определяли свою суть (например, группы «Ужас» или «Смерть капиталу»). Одновременно на Кавказе появилось значительное количество террористов нового типа, которые не входили ни в одну партию и не исповедовали ни одну определенную революционную идеологию. Их представители стали главарями полууголовных банд, называвших себя борцами за свободу или анархистами. Эти банды терроризировали целые области [1, с. 35–37].

Не менее сложной была ситуация и в других регионах Российской Империи. В частности, в Царстве Польском в 1905–1906 гг. террористами было убито 790 и ранено 864 военных, жандармских и полицейских офицеров. В ходе боевых операций экстремистами было взорвано 120 бомб и других взрывных устройств, при этом было убито или ранено 142 человека. Только в Варшавском округе с октября 1905 г. по конец февраля 1908 г. террористами было убито или ранено 327 официальных и 631 гражданское лицо. Революционный террор в Польше был окрашен в националистические цвета больше, нежели на Кавказе. Вся история Польши была отмечена стойким отказом признавать русское владычество [1, с. 37–38].

В Прибалтике в 1905–1907 гг., по официальным данным канцелярии генерал-губернатора, было зафиксировано 1700 террористических актов и 3076 вооруженных нападений. В сентябре 1905 г. только в Риге было совершено 69 актов политического террора, в октябре – 64, в ноябре – 143. К январю 1906 г. городская полиция в Риге в результате нападения экстремистов потеряла 110 человек (более четверти своего состава). В 1907 г. директор Департамента полиции в государственной думе сообщил, что в двух прибалтийских губерниях – Лифляндской и Курляндской – было совершено 1148 терактов, в результате которых погибло 324 человека, главным образом полицейские и солдаты [1, с. 42–43].

Отличительной особенностью политического терроризма времен первой русской революции и последующих лет от терроризма второй половины XIX века было то, что он перестал носить избранный персонифицированный характер. Если в XIX и первые годы XX века акты террора совершались в отношении высокопоставленных правительственных чиновников, то, начиная с 1905 года, террор осуществлялся в отношении широкого круга государственных служащих, без особого выбора.

В своем исследовании А. Гейфман приводит данные: из 671 служащего Министерства внутренних дел, убитого или раненого в период между октябрём 1905 и концом апреля 1906 г., только 13 занимали высокие посты, остальные 658 были городскими, иными полицейскими служащими, кучерами и сторожами. Достаточно было наличие установленной формы одежды, чтобы стать жертвой террористов. Для террористов новой формации было характерно соревнование, кто больше совершит грабежей и убийств [1, с. 58–59].

Ссылки:

1. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997.
2. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб., 2006.
3. Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996.
4. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 177.
5. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2001.
6. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.
7. Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
8. Невский С.А., Карлеба В.А., Сирица И.В. Органы охраны правопорядка и безопасности на Кубани (вторая половина XIX – начало XX века). Краснодар, 2003.
9. Кубанские областные ведомости. 1907. 25 июля.
10. Кубанские областные ведомости. 1907. 1 сент.
11. Екатеринбург – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993.
12. Невский С.А., Карлеба В.А. Охрана правопорядка в Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX века). Краснодар, 2002.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 288. Л. 4.
14. Сирица И.В. борьба с терроризмом на Кубани в начале XX века // Природа. Общество. Человек: Вестник Южно-Российского отделения Международной академии высшей школы. 2001. № 1 (3).

References (transliterated):

1. Geyfman A. Revolyutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917 / transl. from English. E. Dorman. M., 1997.
2. Dikaev S.U. Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo kharaktera (kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie). SPb., 2006.
3. Budnitskiy O.V. Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, bibliografiyakh, issledovaniyakh. Rostov n/D, 1996.
4. Budnitskiy O.V. Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii. M., 2000. P. 177.
5. Politicheskaya politsiya i politicheskiy terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). M., 2001.
6. Peregudova Z.I. Politicheskiy sysk Rossii (1880–1917 gg.). M., 2000.
7. Praysman L.G. Terroristy i revolyutsionery, okhranniki i provokatory. M., 2001.
8. Nevskiy S.A., Karleba V.A., Siritsa I.V. Organy okhrany pravoporyadka i bezopasnosti na Kubani (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Krasnodar, 2003.
9. Kubanskiye oblastnie vedomosti. 1907. July 25.
10. Kubanskiye oblastnie vedomosti. 1907. Sep. 1.
11. Ekaterinodar – Krasnodar: Dva veka goroda v datakh, sobyitiyakh, vospominaniyakh... Materialy k Letopisi. Krasnodar, 1993.
12. Nevskiy S.A., Karleba V.A. Okhrana pravoporyadka v Kubanskoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Krasnodar, 2002.
13. Gosudarstvenniy arkhiv Krasnodarskogo kraja (dalee – GAKK). F. 454. Op. 1. D. 288. L. 4.
14. Siritsa I.V. bor'ba s terrorizmom na Kubani v nachale XX veka // Priroda. Obshchestvo. Chelovek: Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo otdeleniya Mezhdunarodnoy akademii vysshey shkoly. 2001. № 1 (3).